

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОРУ РИГИ.

Изъ путевыхъ очерковъ

Марна Твейна.

(Съ англійскаго).

На гору Риги можно взобраться, смотря по желанію путешественника, по желѣзной дорогѣ, на лошадахъ или же пѣшкомъ. Я и мой пріятель Гаррисъ облачились въ костюмы туристовъ и въ одно прекрасное утро сѣли на пароходъ, который перевезъ насъ черезъ озеро и высадилъ въ Веггисѣ, небольшой деревушкѣ, расположенной у подножія горы, въ $\frac{3}{4}$ часа ѣзды отъ Люцерна.

Тотчасъ, не теряя ни минуты, мы стали подниматься по тѣнистой дорогѣ, по обыкновенію, оживленно разговаривая между собою. Все предвѣщало намъ удачу, и мы уже заранѣе предвкушали удовольствіе полюбоваться въ первый разъ солнечнымъ восходомъ среди Альповъ. Это, въ сущности, и было цѣлью нашего путешествія. Намъ казалось, что мы не имѣемъ надобности спѣшить, такъ какъ въ путеводителѣ Бедекера было сказано, что отъ деревни до верхушки горы всего $3\frac{1}{4}$ часа ходьбы. Я говорю: „казалось“, потому что Бедекеръ насъ однажды уже жестоко обманулъ.

По прошествіи получаса мы совершенно вошли во вкусъ и сдѣлали надлежащія приготовленія къ подъему на гору, т. е. наняли мальчика нести наши дорожныя палки, сумки и пальто, для того чтобы имѣть руки свободными.

По всей вѣроятности, мы ложились на роскошную густую траву и заку-ривали трубки гораздо чаще, чѣмъ

къ этому привыкъ нашъ проводникъ, потому что онъ вдругъ обратился къ намъ съ вопросомъ, наняли ли мы его на одинъ разъ или, можетъ быть, на цѣлый годъ. Мы сказали, что если онъ спѣшитъ, то пусть идетъ впередъ. Онъ отвѣтилъ, что хотя онъ и не спѣшитъ, но все же хотѣлъ бы взобраться на вершину, пока еще молодъ. Тогда мы ему предложили идти впередъ, отдать вещи содержателю отеля и предупредить его о нашемъ прибытіи. Онъ согласился и прибавилъ, что приготовить для насъ комнату, а если всѣ комнаты будутъ заняты, то онъ прикажетъ выстроить для насъ новый отель и позаботится, чтобы штукатурка и краска высохли къ нашему приходу. Съ этими словами онъ оставилъ насъ и вскорѣ скрылся изъ виду.

Къ 6 часамъ мы уже значительно поднялись вверхъ; передъ нами развертывалась широкая и красивая панорама. Мы зашли въ маленькую гостиницу, приказали подать себѣ хлѣба, сыра и одинъ или два литра свѣжаго молока. Подкрѣпивъ свои силы, мы снова пустились въ путь.

Не прошло и 10 минутъ, какъ намъ повстрѣчался англичанинъ съ краснымъ, разгоряченнымъ лицомъ; онъ огромными прыжками мчался подъ гору, размахивая своимъ длиннымъ альпійскимъ посохомъ. Запыхавшись и покрытый потомъ, онъ остановился и спросилъ, далеко ли еще до деревни.

— Три часа ходьбы,—отвѣтили мы.

— Неужели? А озеро кажется такимъ близкимъ, какъ будто до него можно добросить камень. А это что? гостиница?

— Да.

— Ну, слава Богу! Идти еще три часа я не въ состояніи.

На мой вопросъ, далеко ли еще до вершины, онъ воскликнулъ.

— Еще бы! Вѣдь вы только начали подниматься!

Въ виду этого я предложилъ своему товарищу Гаррису также остаться почевать въ гостиницѣ. Мы вернулись, заказали себѣ горячій ужинъ и весело провели съ англичаниномъ вечеръ.

Нѣмка, хозяйка гостиницы, отвѣла намъ прекрасныя комнаты и мягкія постели. Я и Гаррисъ улеглись съ твердымъ намѣреніемъ встать очень рано, чтобы не пропустить альпійскаго солнечнаго восхода. Но мы были крайне утомлены и спали не хуже ночнаго сторожа. Весьма понятно, что когда мы на слѣдующее утро проснулись и бросились къ окну, для солнечнаго восхода было уже слишкомъ поздно: часы показывали половину двѣнадцатаго. Это былъ непріятный сюрпризъ, но насъ утѣшала перспектива вкуснаго завтрака, и мы попросили хозяйку позвать къ намъ англичанина. Она сообщила намъ, что англичанинъ, страшно ругаясь, уже на разсвѣтъ оставилъ гостиницу. Мы не могли понять причины его гнѣва. Хозяйка прибавила, что онъ освѣдомился у нея, какъ далеко еще до озера, и когда она ему сказала точную цифру 1495 футовъ, онъ страшно разсвирѣпѣлъ и воскликнулъ:

— Въ этой проклятой странѣ разныя дураки и путеводители могутъ въ 24 часа наговорить больше небылицъ, чѣмъ въ другой странѣ за цѣлый годъ!

Около полудня мы покинули гостиницу и бодрыми шагами стали подниматься въ гору. Пройдя сажень сто, мы прилегли отдохнуть. Закуривая трубку, я случайно взглянулъ влѣво и увидѣлъ столбъ дыма, который, точно длинный черный червь, медленно ползъ вверхъ по горѣ. Это могъ быть только дымъ локомотива. Опершись на локти, мы глазъ не могли свести съ этой картины. Намъ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы по крутой, какъ крыша, плоскости желѣзнодорожный поѣздъ могъ прямо взбираться вверхъ. Но это совершалось на нашихъ глазахъ: настоящее чудо!

Часа два спустя мы достигли прекрасной горной долины, обвѣваемой мягкими зефирами. Маленькія пастушьи хижинки были обложены сверху большими камнями для того, чтобы ихъ не снесло во время сильныхъ бурь. Далеко отъ насъ, на противоположномъ берегу озера виднѣлись деревушки, и теперь впервые мы замѣтили рѣзкій контрастъ между ихъ крошечными домиками и гигантскими скалами, у подножія которыхъ они ютились. Когда находишься посреди такой деревушки, она кажется довольно большой, ея постройки—солидными и крупными. Но съ того возвышеннаго пункта, на которомъ мы остановились,—какая перемена! Всѣ эти деревушки сдѣлались такими маленькими, почти невидимыми и такъ плотно прижались къ подножію скалъ, что скорѣе походили на муравьиныя кучи. Пароходы, во всѣ стороны шнырявшіе по озеру, превратились въ игрушечныя кораблики, а парусныя лодки—въ крошечныя скорлупки,

предназначенныя для эльфовъ, живущихъ въ цвѣточныхъ чашечкахъ и разлѣзжающихъ на майскихъ жукахъ.

Мы пошли дальше и вскорѣ наткнулись на полдюжины пасшихся овецъ. Но чу! До нашего уха нежданно доносится мелодическое: „Лалала-лой-ла-і-о!“ Мы впервые слышимъ среди дикой горной природы знаменитое альпійское jodeln: то своеобразное смѣшеніе баритона и фальцета, которое присуще только тирольскимъ пѣснямъ.

Пѣсня звучала весело и пріятно, а вскорѣ показался и самъ пѣвецъ—пастушекъ лѣтъ 16. Въ благодарность за доставленное намъ удовольствіе мы дали ему франкъ и просили его продолжать пѣсню. Онъ опять запѣлъ, а мы слушали. Когда мы двинулись дальше, онъ великодушно запѣлъ намъ на прощанье, уже не въ счетъ абонементу. Точно также сдѣлалъ и второй пастухъ, на котораго мы наткнулись черезъ четверть часа и который за свое искусство получилъ полфранка.

Съ этого мѣста мы стали встрѣчать тирольскихъ пѣвцовъ каждыя десять минутъ. Первому мы дали 8 сантимовъ, второму—6, третьему—4, четвертому—1, пятый, шестой и седьмой не получили ни одного сантимата. Въ остальную часть дня мы платили каждому пастуху 1 франкъ за то, чтобы онъ молчалъ. Хорошаго понемножку!

Въ 10 минутъ шестаго мы добрались до станціи Кальтадъ, гдѣ расположенъ большой отель съ верандами, съ которыхъ открывается обширный кругозоръ на горы и озеро. Мы чувствовали себя не очень утомлен-

ными, но чтобы, наконецъ, не пропустить солнечнаго восхода, поужинали какъ можно скорѣе и поспѣшили лечь спать. Какъ пріятно вытянуться на мягкой, прохладной постели! И какъ крѣпко мы заснули! Никакой снотворный напитокъ не дѣйствуетъ такъ сильно, какъ подобная прогулка.

Проснувшись утромъ, мы разомъ вскочили съ постелей и кинулись къ окну; мы отдернули занавѣску и испытали новое жестокое разочарованіе: было уже половина четвертаго полудни. Въ очень дурномъ расположеніи духа мы стали одѣваться, причемъ каждый сваливалъ вину на другаго. Гаррисъ говорилъ, что если-бы я не упрямился и согласился взять проводника, то этотъ солнечный восходъ отъ насъ не ушелъ-бы. Я же возражалъ, что въ этомъ случаѣ одному изъ насъ нужно было-бы дежурить, чтобы разбудить проводника, и что намъ и безъ того пришлось потратить слишкомъ много труда при подъемѣ въ гору, чтобы еще возиться съ проводникомъ.

Завтракъ опять нѣсколько утѣшилъ насъ, въ особенности въ виду успокоительнаго увѣренія Бедекера о томъ, что на Риги невозможно проспаться солнечнаго восхода, такъ какъ слуга своевременно переходитъ изъ комнаты въ комнату и трубить въ громадный альпійскій рогъ, способный пробудить мертвыхъ. Въ томъ же путеводителѣ мы нашли еще одну очень пріятную подробность, а именно, что путешественники, выходя любоваться солнечнымъ восходомъ, не имѣютъ надобности одѣваться, а просто закутываются въ свои красныя одѣяла. О, это должно быть очень оригинально и роман-

тично! 250 человѣкъ на верхушкѣ горы съ разлѣвающимися волосами и красными одѣялами; передъ ними—торжественныя и серьезныя горныя вершины, покрытыя снѣгомъ и освѣщенныя первыми лучами восходящаго солнца! Какая чудесная и замѣчательная картина! Да это даже счастье, что мы до сихъ поръ не видѣли восхода солнца.

По указаніямъ путеводителя, мы уже находились на высотѣ 3228 футовъ надъ уровнемъ моря и совершили, слѣдовательно, полныхъ двѣ трети всего пути. Снова въ дорогу мы пустились въ $4\frac{1}{4}$ часа по полудни. Около 100 шаговъ выше отеля линія желѣзной дороги раздѣлялась на двое; одна вѣтвь направлялась прямо вверхъ по крутому склону горы, а другая загибалась вправо, поднимаясь довольно отлого. Мы прошли вдоль послѣдней болѣе мили, обогнули уголъ скалы, и очутились въ виду другаго прекраснаго отеля. Если бы мы тотчасъ же пошли дальше, мы бы достигли вершины, но Гаррисъ вздумалъ произвести рекогносцировку. Онъ пришелъ къ заключенію—и, какъ всегда, ошибочному,—что намъ надо вернуться и пойти по другой дорогѣ. Это намъ стоило огромной массы времени.

Мы все ползли и ползли; мы взобрались уже на сорокъ вершинъ, но каждый разъ появлялась новая, столь же высокая, какъ и прежнія. Начался дождь; мы промокли насквозь; было отчаянно холодно. Сырой туманъ закуталъ вскорѣ весь горный склонъ; желѣзнодорожная насыпь, у которой мы находились, была намъ единственнымъ указателемъ пути. Иногда мы уклонялись отъ нея на нѣкоторое

расстояние въ сторону и когда туманъ разсѣвался, мы съ ужасомъ замѣчали, что находимся на краю бездонной пропасти, вслѣдствіе чего поскорѣе старались снова вернуться къ насыпи.

Наступила ночь темная, ненастная и холодная. Около 8 часовъ вечера туманъ слегка поднялся и далъ намъ возможность замѣтить довольно неясную тропинку, которая вела влѣво. Вступивъ на эту дорогу, мы имѣли неосторожность настолько уйти въ сторону отъ желѣзнодорожной насыпи, что уже больше не могли найти ее, когда снова спустился туманъ и окуталъ все непроницаемымъ мракомъ.

Мы очутились въ дикомъ, вполне доступномъ для ярости стихій мѣстѣ, и были принуждены расхаживать взадъ и впередъ, чтобы согрѣться хотя при этомъ каждую минуту подвергались опасности свалиться въ пропасть.

Въ 9 часовъ мы сдѣлали важное открытіе, что не были ни на какой тропинкѣ. Мы ползали на четверенькахъ вокругъ, но уже не могли ее найти. Мы усѣлись на мокрую траву въ ожиданіи. Внезапно передъ нами обрисовалась огромная темная масса, нагнавшая на насъ не малый страхъ; но тотчасъ же она снова исчезла въ туманѣ; то былъ, какъ мы позднѣе узнали, довольно желанный отель Риги-Кульмъ, который въ колеблющемся туманѣ принялъ въ нашихъ глазахъ видъ зіяющей пропасти.

Такъ сидѣли мы долгій, долгій часъ, съ дрожжащими колѣнами, стуча зубами и обернувшись спиною къ мнимой пропасти: мы даже слегка ощущали съ той стороны сквозной вѣтеръ. При этомъ мы съ жаромъ спорили, такъ какъ каждый изъ насъ хотѣлъ при-

писать глупости другого то, что мы уклонились отъ желѣзнодорожнаго пути.

Мало по малу туманъ разсѣвался; когда Гаррисъ случайно обернулся, оказалось, что какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ намъ рисовалась пропасть, стоитъ большой, ярко освѣщенный отель. Онъ былъ такъ близко, что буквально можно было пересчитать окна и каминны.

Нашимъ первымъ чувствомъ была глубокая, несказанная благодарность; но тотчасъ же нами овладѣла бѣшеная ярость, когда мы подумали, что отель, очевидно, былъ у насъ на виду добрыхъ три четверти часа, пока мы сидѣли тутъ мокрые, какъ пудели, и бранились между собой.

Да, это былъ отель Риги-Кульмъ, цѣль нашего путешествія. Мы нашли въ немъ комнату, которую намъ проводникъ приготовилъ для насъ,—разумѣется, предварительно мы основательно познакомились съ заносчивой грубостью привратника и прочей прислуги.

Мы переодѣлись въ сухое платье, и, пока намъ готовили ужинъ, стали одиноко блуждать по многочисленнымъ пустыннымъ заламъ, изъ которыхъ только въ одномъ была печь. Печь эта находилась въ углу зала и была окружена живой стѣной разнообразнѣйшаго народа. Такъ какъ изъ-за этой толпы намъ было невозможно приблизиться къ огню, то мы стали бродить по полярнымъ странамъ остальныхъ залъ, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ субъектовъ, которые молча и сосредоточенно пытались разрѣшить загадку, зачѣмъ они имѣли легкомысліе явиться сюда.

Въ числѣ ихъ были американцы,

были нѣмцы, но огромное большинство составляли англичане. Въ одномъ изъ апартаментовъ всѣ толпились вокругъ „Jouvehirs du Righi“, которые были тамъ выставлены для продажи. Сначала я хотѣлъ также приобрести рѣзной костяной ножъ съ рукояткой изъ козьяго рога, но затѣмъ я подумалъ, что и безъ того вершина Риги со всѣми ея прелестями оставить во мнѣ пріятное воспоминаніе,—и подавилъ въ себѣ это желаніе.

Ужинъ согрѣлъ насъ, и мы тотчасъ же улеглись въ постель. Впрочемъ, раньше я счелъ нужнымъ написать письмо г. Бедеверу. Дѣло въ томъ, что онъ въ своемъ путеводителѣ проситъ туристовъ сообщать ему о всякихъ ошибкахъ, которыя будутъ замѣчены въ его книгѣ. Я написалъ ему, что, считая путь отъ Веггиса до вершины равнымъ 1 1/4 часамъ, онъ ошибся на три дня. Однако отвѣта я отъ него не получалъ; въ книгѣ также все осталось безъ измѣненій: очевидно, мое письмо къ нему не дошло. Мы такъ смертельно устали, что тотчасъ же заснули какъ убитые и не проявляли никакихъ признаковъ жизни, пока насъ не разбудили мелодичные звуки альпійскаго рожка. Можете быть увѣрены, что мы не стали терять времени, и, накинувъ на себя кое-какую одежду, завернувшись въ удобныя красныя одѣяла и съ непокрытыми головами выскочили на пронзительный вѣтеръ. Какъ разъ на самомъ возвышенномъ пунктѣ горы мы замѣтили большой деревянный балконъ. Туда направили мы свои шаги, взобрались по ступенямъ и очутились тамъ, высоко надъ міромъ, съ растрепанными волосами и развѣ-

ваемыми вѣтромъ красными одѣялами. — По меньшей мѣрѣ опоздали на 15—минутъ!—сказалъ Гаррисъ печальнымъ тономъ,—солнце уже надъ горизонтомъ.

— Ничего не значитъ—отвѣчалъ я,—все таки великолѣпное зрѣлище, и мы будемъ наслаждаться имъ, пока солнце не подымется еще выше.

Нѣсколько минутъ мы были всецѣло погружены въ созерцаніе чудеснаго зрѣлища и забыли обо всемъ остальномъ. Большой, свѣтлый дискъ солнца стоялъ теперь какъ разъ надъ безчисленнымъ множествомъ бѣлыхъ ермоловъ (выражаясь метафорически!) Это былъ волнующійся хаосъ исполинскихъ горныхъ массъ и вершинъ, украшенныхъ вѣковымъ снѣгомъ и плавающихъ въ золотомъ великолѣпнѣ дрожащаго свѣта, въ то время какъ блестящіе солнечные лучи вырывались къ зениту, на подобіе мечей и копій, сквозь расщелину въ лежавшей противъ солнца черной тучѣ.

Мы не въ состояніи были ни говорить, ни даже дышать; мы стояли въ опьяняющемъ восторгѣ и упивались этой красотой, какъ вдругъ Гаррисъ закричалъ:

— Провля... оно спускается!

Дѣйствительно, мы прозѣвали звукъ утренняго рожка, проспали весь день и разбужены были только вечеромъ—ахъ это было верхъ несчастья!

Наконецъ, Гаррисъ сказалъ:

— Да ты посмотри, какая масса народа внизу. И судя по всему, не солнце составляетъ предметъ вниманія всѣхъ этихъ людей, а мы взгромоздившіеся на эти подмостки въ этихъ нелѣпыхъ одѣялахъ. 250 изящно одѣтыхъ мужчинъ и дамъ устали на насъ и плевать хотятъ на солнце,

пока мы представляемъ для нихъ такое потѣшное зрѣлище. Все общество положительно готовится лопнуть со смѣха, а вонъ та молоденькая дѣвушка лопнетъ раньше всѣхъ. Во всю свою жизнь я не видѣлъ человека, подобнаго вамъ!

— Въ чемъ-же дѣло?—съ сердцемъ спросилъ я.

— Да какъ-же. Вы встали въ половине восьмага вечеромъ, чтобы любоваться солнечнымъ восходомъ. Что, этого мало?

— А вы развѣ не то-же самое сдѣлали? Какъ вы думаете? Я всегда вставалъ съ жаворонками, пока не попалъ подъ ваше растлѣвающее вліяніе.

— Да какъ вамъ не стыдно въ такомъ костюмѣ на высокомъ балконѣ на вершинѣ Альпъ, въ виду цѣлой массы зрителей? Мѣсто-ли это для подобныхъ словонизверженій?!

Такъ продолжали мы споръ въ своемъ маскарадномъ одѣяніи. Когда солнце зашло, мы проскользнули назадъ въ гостиницу и опять улеглись спать. По дорогѣ намъ встрѣтился трубачъ и далъ слово разбудить насъ на разсвѣтѣ.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Мы услышали звукъ альпійскаго рога, и немедленно встали. Было холодно и темно. Ощупывая кругомъ дрожащими руками, чтобы найти спички, я натолкнулся на массу вещей и разбилъ ихъ. Мнѣ сдѣлалось крайне досадно, что солнце не восходитъ днемъ, когда такъ свѣтло, тепло и пріятно.

Намъ удалось, наконецъ, при неясномъ свѣтѣ двухъ огарковъ, отыскать и надѣть свое платье; но руки у насъ такъ дрожали, что мы не могли за-

стегнуться. Я думалъ о томъ, какъ много въ настоящую минуту въ Европѣ, Азій, Америкѣ и т. д. счастливецъ, которые мирно покоятся въ своихъ постеляхъ и не должны вставать и любоваться восходомъ солнца на Риги. Въ это время Гаррисъ отдернулъ оконную занавѣску и воскликнулъ:

— О, какое счастье! Намъ и не нужно выходить изъ комнаты, здѣсь отлично все видно.

Это было очень отраднo. Въ самомъ дѣлѣ, не выходя изъ комнаты, мы видѣли на темномъ небосклонѣ неясныя очертанія грандіозныхъ горныхъ массъ; сквозь сѣрую дымку разсвѣта мерцали двѣ-три звѣздочки. Тепло укутавшись въ шерстяныя одѣяла, мы уютно помѣстились у окна и, закуривъ сигары, спокойно при свѣтѣ двухъ огарковъ ожидали солнечнаго восхода. Постепенно, усиливаясь едва замѣтно, разливался эфирный свѣтъ надъ воздушными вершинами горъ. Но вдругъ все снова померкло. Я сказалъ:

— Солнечному восходу сегодня не повезло. Съ нимъ что-то не ладно. Какъ вы думаете, что случилось?

— Я не знаю, это напоминаетъ скорѣе отблескъ пожара. Мнѣ никогда не приходилось видѣть такого восхода.

— Но въ чемъ-же можетъ быть дѣло?

Гаррисъ другъ вскочилъ и закричалъ:

— Понялъ, понялъ! Да вѣдь мы смотримъ въ ту сторону, гдѣ вчера солнце заходило!

Совершенно вѣрно! Эхъ почему-же вы раньше этого замѣтили? Вотъ

оняты мы маху дали,—и все благодаря вашей глупости. Да! это дѣйствительно на васъ похоже: закурить сигару и ожидать восхода солнца съ запада!

— Но и замѣтить ошибку! А вы даже и этого не сдѣлали! Я долженъ все распутывать!

— Вы сами виною всему... Да что, впрочемъ, терять время въ безплодномъ спорѣ; быть можетъ, мы еще успѣемъ посмотрѣть на восходъ!

Однако уже было слишкомъ поздно. Солнце уже стояло высоко, когда мы вышли на балконъ. Мы встрѣтили массу возвращавшихся мужчинъ и дамъ во всевозможныхъ смѣшныхъ одѣяніяхъ, съ замерзшими лицами.

Человѣкъ пять еще оставалось на балконѣ. При помощи путеводителя и карты они старались опредѣлить каждую вершину и запомнить всѣ ихъ разнообразныя имена и формы.

Это было печальное зрѣлище...

По моимъ соображеніямъ, на спускѣ съ горы до Веггиса или Вицнау пѣшкомъ намъ нужно было употребить цѣлый день; по желѣзной-же дорогѣ мы, несомнѣнно, могли сдѣлать это въ часъ, а потому мы предпочли послѣднее.

Прелестная ѣзда по головокружительной желѣзной дорогѣ среди горныхъ утесовъ и долинъ, растилавшихъ на подобіе рельефной карты, у нашихъ ногъ, достойнымъ образомъ довершила наше богатое приключеніемъ восхождение на вершину Риги.